

*В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена...*

А. С. Пушкин

ГРИМАСЫ ФОРТУНЫ

Интервью

Корр.: Добрый день, Варвара!

В.Л.: Здравствуйте!

Корр.: Варвара, прежде всего позвольте вас поздравить с оглушительным успехом вашего сериала «Марта».

В.Л.: Спасибо.

Корр.: Вы сейчас опять снимаетесь у режиссера Шилевича в его новом фильме, но уже для кино?

В.Л.: Да, только съемки давно закончились.

Корр.: Когда мы его увидим?

В.Л.: Я не могу сказать, но предположительно осенью.

Корр.: Варвара, а почему вы расстались с Симбирцевым?

В.Л.: Знаете, это касается только нас двоих.

Корр.: Но публика жаждет знать...

В.Л.: Я уже все сказала!

Корр.: Говорят, он вас бил?

В.Л.: Что за ерунда?

Корр.: Все знают, что Стас человек невыдержанный... Не стесняйтесь, Варвара, скажите!

В.Л.: Без комментариев!

Корр.: Но ведь это была такая любовь!

В.Л.: Без комментариев!

Корр.: Он пил?

В.Л.: Послушайте, я не хочу говорить на эту тему, скажу только одно: Стас Симбирцев — потрясающий артист, добрейшей души человек, а во все не пьяница и дебошир, каким вы любите его представлять! Это все!

Корр.: Но если он такой ангел, почему же вы расстались?

В.Л.: Потому что я не ангел!

Корр.: То есть в разрыве виноваты вы?

В.Л.: Да!

Корр.: Это был любовный треугольник?

В.Л.: Какой к черту треугольник? Я вообще отказываюсь от интервью! Мне сказали, что речь пойдет о моих ролях, а не о личной жизни.

Корр.: Ну что ж, поговорим о ролях! Ваш спектакль «Песни шмеля» пользуется большим успехом, билетов не достать... Как вам работалось с Рубаном? Он, говорят, сложный человек?

В.Л.: Мне и было сложно, но когда у тебя такой партнер, как Дмитрий Бурмистров...

Корр.: Вот, кстати, Бурмистров был вашим партнером и в «Марте»?

В.Л.: Да!

Корр.: Он тоже человек непростой.

В.Л.: А мне вообще интересны только непростые люди, особенно в работе.

Корр.: Симбирцев оказался слишком прост для вас?

В.Л.: Без комментариев!

Корр.: Варвара, а не Бурмистров ли послужил причиной вашего развода?

В.Л.: Развода не было, поскольку мы не были женаты. И мы закрываем эту тему!

Корр.: Ну хорошо! Тогда о другом. Ваше появление на кино- и театральном небосклоне оказалось подобно комете!

В.Л.: Надеюсь все-таки, что комета не мой космический объект.

Корр.: То есть?

В.Л.: Ну, комета пролетает быстро, а мне хочется задержаться на этом небосклоне.

Корр.: В качестве звезды?

В.Л.: Я этого не говорила.

Корр.: Варвара, а почему вы живете одна?

В.Л.: Без комментариев!

Корр.: Нет, я имел в виду другое! Почему ваши сын и мама живут в Германии?

В.Л.: Потому что там экологические условия значительно лучше, чем в Москве.

Корр.: А у вас есть еще предложения сниматься?

В.Л.: Очень много.

Корр.: Вы на чем-то остановили свой выбор?

В.Л.: Да, но говорить об этом еще рано.

Корр.: А в театре вы собираетесь что-то еще играть, ведь ваш театральный дебют был так же высоко оценен критикой?

В.Л.: Да, я уже репетирую все с тем же Рубаном.

Корр.: Все были крайне удивлены той невероятно высокой оценкой, которую вам дал Филипп Рубан. Он сказал: «В этой актрисе поразительным образом сочетается трепетность Одри Хепберн и мощь Бэтт Дэвис! Казалось бы, эти актрисы полярны, а госпожа Лакшина оказалась как бы в центре, на экваторе, и потому представляет собой нечто уникальное и новое для нашего времени, как в свое время обе эти великие актрисы!»

В.Л.: Филипп Юлианович человек очень импульсивный...

Корр.: Но он вовсе не щедр на похвалы, и это всем известно.

В.Л.: Я, разумеется, чрезвычайно польщена таким отзывом, но ни в коем случае не принимаю его на свой счет. Филипп Юлианович был, вероятно, воодушевлен успехом спектакля.

Корр.: Но тем не менее отзыв прозвучал и наверняка возбудил зависть ваших коллег... Вы это уже ощутили?

В.Л.: Знаете, у меня сейчас столько работы, что мне просто некогда об этом думать. Кстати, я уже опаздываю на репетицию.

Корр.: Благодарю вас, Варвара, хоть вы были не слишком откровенны.

Варя хотела сказать, что откровенничать с журналистами и впредь не собирается, но сочла за благо промолчать. Сказала только:

— Прошу вас, скиньте мне на мэйл готовую статью, я ведь предупредила, что без моей визы...

— Ну разумеется, разумеется! Дальнейших вам успехов, Варвара!

— Благодарю!

Варя пулей выскочила из кафе, где давала интервью, плюхнулась на раскалившееся от солнца сиденье своего «опеля» и поспешила включить кондиционер. Она и вправду опаздывала на ре-

петицию. А после репетиции надо еще попасть в Останкино, где снимается какое-то дурацкое ток-шоу. Она терпеть не могла ток-шоу, где все орут как резаные, не слыша друг друга, но ее агент Катя Вершинина, с которой Варя подружилась, настаивала:

— Варь, что за дела! Надо значит надо! Ты сейчас нарасхват, надо этим пользоваться! Поверь, пригодится! Ты пока засветилась только в «Марте», спектакль Филиппа, каким бы гениальным он ни был, не многие знают, это не аудитория! Ты обязана мелькать на экране, тебя должны узнавать! И интервью давать нужно! Ты поздно начала, правда, сразу прогремела, но одной роли мало! Поверь мне, я знаю, что говорю!

— Но вот Дима же не таскается по всем этим ток-шоу?

— Сравнила куцего и зайца! Димка уже может себе это позволить, заслужил, а когда-то тоже таскался. Правда, его больше таскала эта его, прости господи, жена... тьфу на нее! Впрочем, неважно.

И Варя покорно делала все, что говорила ей Катя. Тем более что эта почти круглосуточная карусель помогала заглушить мучительную боль от разрыва со Стасом.

ТАНЦЫ С ВАРЕЖКОЙ

— ...Бася, душа моя, ты понимаешь, что мы играем?

— Филипп Юлианович...

— Твоя ценность в том, что ты синтетическая актриса, ты могла бы быть звездой у Таирова!

— Ну, это вы загнули!

— Ничего я не загнул! Коонен играла все! И высочайшую трагедию, и водевиль! И, кстати, русскую драму... Островского... А ты мне тут устраиваешь Мосфильм! Это надо забыть как страшный сон! Сейчас мы играем водевиль! Пойми, водевиль в моей постановке — это уже само по себе сенсация, и ты должна выглядеть сенсационно! Ты же поешь, танцуешь, это спектакль на тебя! Значит, ты должна понимать... — Филиппа опять унесло в космические дали.

У Вари мутилось в голове, а Димы рядом не было, чтобы перевести с языка Рубана на русский. У нее был чудесный партнер, молодой артист из «Табакерки» с хорошим голосом, отменной пластикой, но помочь Варе он был не в состоянии, так как и сам мало что понимал.

— Толик, ты когда-нибудь любил?

— А как же, Филипп Юлианович!

— Кого?

— Ну, однокурсницу свою... — смутился Толик.

— Она тебя долго мучила?

— В каком смысле?

— О боже! Не давала долго?

— Практически сразу дала...

— О времена! О нравы! Значит, эти муки тебе не знакомы... Но вообразить себе их ты в состоянии? — уже начинал накаляться режиссер.

— Вполне!

— Вот и играй муки неразделенной любви, но помни, это водевиль! Французский водевиль! Но не вздумай играть Мольера, это будет кощунство! Слушай музыку, музыку, улавливай ее всеми своими антеннами, настрой их, черт бы тебя взял!

— Но музыки ведь нет! — чуть не плача, проговорил Толик.

— Музыка сфер надо слышать, дубина ты стоеросовая! Вот Бася слышит, она научилась! Бася, сердце мое, в наше время почти никто не умеет порхать! Как я ненавижу, когда актеры, и в особенности актрисы, укладывают шпалы на сцене! Театр — это счастье, радость, воспарение! Толик, ты понял?

— Вроде да.

— И вот еще что... Завтра к нам присоединится не кто-нибудь, а сама Мария Францевна Толль!

— Ни фиги себе! — присвистнул Толик.

— Вот кто умеет порхать, несмотря на свои сто килограммов! Вот кто моя любимая артистка! Жаль, мы с ней разминулись во времени и она будет играть твою тещу, Толик!

— Ни фиги себе, — повторил Толик.

Варя возликовала! Мария Францевна Толль была питерской легендой. В силу разных обстоятельств она давно ушла со сцены. Лишь иногда снималась в сериалах. В свое время она была среди педагогов на Варином курсе и всегда отмечала ее.

— Как здорово! — воскликнула Варя. — Я же у нее училась!

— Мария Францевна мне говорила, что ты в некотором роде ее ученица... Я этому весьма рад! Ладно, на сегодня все! Толик, постарайся на следующей репетиции продемонстрировать нам, что ты вынес из всего сегодня сказанного! Ари-видерчи, господа!

— Варвара, можно тебя на минутку? — не без робости спросил Толик.

— Ты хочешь спросить, что все это значит, да?

— Откуда ты знаешь?

— Сама это проходила, — засмеялась Варя. — Мне Бурмистров объяснил. Просто играй легче, без нажима, и все будет нормально!

— И все?

— И все!

— Это у него фишка такая?

— Ага!

— Но почему нельзя просто объяснить!

— Я тогда задала тот же вопрос, и Дима мне ответил: «Если просто, то никто не скажет, что он гений!»

— Значит, он вовсе не гений?

— Гений, в том-то и штука! Как он чувствует артиста, как выстраивает мизансцены... И несет вроде бы полную хрень, а какие спектакли получаются! Вот увидишь, он сперва задурит тебе голову, а потом начнет репетировать совершенно нормально, и все получится.

— Парадокс!

— Ты же знаешь, гений — парадоксов друг!

Когда поздно вечером, едва живая от усталости, Варя вошла в свой подъезд, в нос ей ударил запах гари. Она поморщилась. Пожар, что ли,

у кого-то был? Лифт работал. Она поднялась на свой шестой этаж и обомлела. Дверь ее квартиры была обуглена, и на нее был наклеен лист картона с красной надписью: «Убирайся в свою Германию, сука!»

Она растерялась. Ее затрясло. Что же делать? Тут открылась дверь соседней квартиры, выглянула пожилая женщина.

— Вы из этой квартиры? Да?

— Да. Что тут было?

— Не знаю! Сама пришла, увидела этот ужас... Соседей спрашивала... Никто ничего не видел. Милицию надо бы... Хотя что милиция...

Тут открылась дверь третьей квартиры, на площадке их было всего три. Оттуда вышел мужчина лет пятидесяти в старом тренировочном костюме.

— Вы чего тут расшумелись? Ночь уже! Между прочим, раньше у нас тут такого не случилось. Ну чего пялишься? Ничего с твоим добром не сделалось, ну дверь хулиганы пожгли, ничего, новую поставишь, звезда!

— Девушка, не обращайтесь на него внимания, пойдете ко мне, я вас хоть чаем напою. А скоро сын мой вернется, он с вами в квартиру зайдет, вам небось боязно?